

О новомъ изданіи твореній св. Афанасія Александрійскаго въ русскомъ переводѣ.

Цѣль замѣтки—1) Современное состояніе греческаго текста твореній св. Афанасія, лежащаго въ основѣ русскаго перевода ихъ; кто были бенедиктинцы—издатели твореній св. Афанасія?—достоинства ихъ изданія; результаты новѣйшихъ изслѣдованій о сочиненіяхъ св. Афанасія; объемъ русскаго перевода.—2) Пасхальныя письма александрійскихъ епископовъ; открытіе пасхальныхъ писемъ св. Афанасія и ихъ фрагменты; русскій переводъ этихъ писемъ.—3) Русскій переводъ твореній св. Афанасія въ первомъ его изданіи и его достоинства; отношеніе къ нему второго изданія.

Имѣя въ виду въ слѣдующихъ 1902—1903 годахъ предложить своимъ подписчикамъ творенія св. Афанасія Александрійскаго въ русскомъ переводѣ, въ качествѣ приложения къ журналу, редація „Богосл. Вѣстн.“ считаетъ своею обязанностью предварительно ознакомить ихъ съ наиболее важными сторонами этого своего предпріятія. Жизнь св. Афанасія и оставшіяся послѣ него творенія въ послѣднее время сдѣлались предметомъ тщательнаго изслѣдованія и изученія въ западной наукѣ; св. Афанасію не только отводятся обширные отдѣлы въ общихъ курсахъ по исторіи церкви и догматики, но и посвященъ цѣлый рядъ монографій, разрабатывающихъ разные вопросы касательно его дѣятельности, ученія и сочиненій. Было бы очень заманчиво воспроизвести въ подробностяхъ это новое движеніе къ изученію Афанасія и оцѣнить его результаты, чтобы ясно показать значеніе этого отца для церкви и христіанства, но такая задача выходитъ изъ предѣловъ журнальной статьи и требуетъ для себя отдѣльнаго изслѣдованія. Предлагаемая ниже замѣтка преслѣдуетъ не эту цѣль; она хочетъ со-

общить читателю только самыя необходимыя свѣдѣнія о характерѣ предполагаемаго втораго изданія твореній Аванасія въ русскомъ переводѣ, дать отвѣтъ на тотъ вопросъ, что будетъ представлять собой это изданіе и чего можно ждать отъ него?

1) Такъ какъ достоинства каждаго перевода прежде всего обусловливаются качествами того оригинала, съ какого дѣлается переводъ, то и мы сначала скажемъ о современномъ состояніи греческаго текста твореній св. Аванасія, положеннаго въ основу русскаго ихъ перевода. Въ этомъ отношеніи творенія Аванасія не оставляютъ желать ничего лучшаго. Еще къ концу XVII столѣтія всѣ, сохранившіяся на греческомъ (отчасти и на одномъ латинскомъ) языкѣ, сочиненія Аванасія были соединены въ одно собраніе, обслѣдованы со стороны своего языка и происхожденія и изданы въ печати съ массой историческихъ, археологическихъ и филологическихъ примѣчаній. Этимъ своимъ образцовымъ порядкомъ творенія св. Аванасія обязаны ученымъ трудамъ католическихъ монаховъ XVII и XVIII вв., такъ назыв. бенедиктинцамъ, т. е. членамъ ордена св. Бенедикта, работы которыхъ въ области древне-церковныхъ памятниковъ и доселѣ составляютъ основу церковно-исторической и патристической науки. Чтобы представить себѣ научную цѣнность изданія твореній св. Аванасія, вышедшаго изъ-подъ рукъ бенедиктинцевъ, для этого нужно имѣть нѣкоторое представленіе объ издательской дѣятельности и ученыхъ заслугахъ названнаго католическаго ордена. Когда говорятъ о бенедиктинцахъ, какъ издателяхъ памятниковъ древне-церковной письменности, то разумѣютъ не весь бенедиктинскій орденъ, а особое отдѣленіе или конгрегацію его, носившую имя мавриніанъ, т. е. особый союзъ монастырей и монаховъ, возникшій въ нѣдрахъ бенедиктинскаго ордена въ началѣ XVII в. (1614) и названный такъ въ честь Марка, одного изъ учениковъ Бенедикта. Первоначально, при основаніи конгрегаціи, ученія занятія не имѣлись въ виду, но уже второй генераль ея, Григорій Тарисскій, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать изъ членовъ ордена людей ученыхъ, способныхъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Конгрегація привлекла къ себѣ много даровитыхъ людей и скоро образовала изъ себя ученое общество, заявившее о себѣ много-

численными и замѣчательными трудами въ теченіи XVII и XVIII вв. Свой центръ мавриньяне имѣли въ Парижѣ, въ Сень-Жерменскомъ аббатствѣ, и своей главной задачей поставили собираніе, изученіе и изданіе въ печати лежавшихъ дотолѣ въ рукописяхъ памятниковъ святоотеческой письменности. Къ этой цѣли они приспособили и самую организацію своего общества. Поступавшіе въ конгрегацію, молодые люди тщательно упражнялись въ изученіи классическихъ языковъ и достигали въ нихъ такихъ познаній, что могли свободно говорить и писать не только на латинскомъ языкѣ,—языкѣ тогдашней науки,—но даже и на греческомъ. Болѣе даровитые изъ нихъ, привлекались къ палеографическимъ занятіямъ, приучались къ обращенію съ рукописями и заранѣе воспитывались такъ, чтобы потомъ принять участіе въ общей работѣ учрежденія. Богатыя средства ордена, а также и щедрія жертвы частныхъ лицъ, сочувствовавшихъ его ученымъ задачамъ, позволяли членамъ его предпринимать частыя и далекія путешествія по бібліотекамъ и монастырямъ Запада, проникать въ книгохранилища ихъ, списывать и приобрѣтать нужные манускрипты. Книжныя собранія Франціи, Италіи, Англіи, Голландіи и Германіи были изслѣдованы ими во всѣхъ подробностяхъ, и мало-по-малу они собрали у себя такія рукописныя сокровища, какія болѣе уже никогда не соединялись въ однихъ рукахъ. Самый духъ ордена,—научная атмосфера, царившая въ немъ, и строгая субординація, управлявшая его дѣйствіями,—способствовали успѣху его ученыхъ предпріятій. Такое сложное дѣло, какъ собираніе и изданіе памятниковъ святоотеческой письменности, было не подъ силу одному или немногимъ лицамъ; оно требовало для себя коллективной работы многихъ лицъ, которая руководясь одною волей и однимъ планомъ, могли бы раздѣлять различныя его стороны. Такъ и вели свои занятія мавриньяне; работаль собственно орденъ—единица коллективная; отдѣльныя лица выполняли только назначенную имъ часть: одни собирали рукописи, другіе переводили ихъ, третьи комментировали и т. д.; уставаль одинъ, ему помогаль другой. Часто жизни одного не хватало для того, чтобы исполнить задуманный трудъ,—его мѣсто занималось другимъ подходящимъ лицомъ,—и общая работа не прекращалась. Нигдѣ болѣе,—ни ранѣе, ни послѣ,—

ни соединялось вмѣстѣ столько счастливыхъ условій для плодотворной научной дѣятельности, за то и не многія учрежденія оставили по себѣ такіе памятники человѣческаго прилежанія и трудолюбія, какъ общество мавриньянъ. Имъ собраны были манускрипты, возстановленъ и изданъ текстъ всѣхъ сочиненій Иринея Лионскаго, Іустина Философа, Оригена, Кирилла Іерусалимскаго, Евсевія Кесарійскаго, Аѳанасія Александрійскаго, Василия Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и Іоанна Дамаскина—изъ восточныхъ писателей,—Августина, Іеронима, Кассіодора и Іларія—изъ западныхъ,—и все это было выполнено въ совершенствѣ. Ихъ изданія превзошли собой все, что имѣлось ранѣе по этой части, и до сихъ поръ остаются образцомъ, которому долженъ слѣдовать каждый, сознающій свои обязанности, издатель.

Изданіе твореній св. Аѳанасія Александрійскаго, сдѣланное мавриньянами, можетъ служить однимъ изъ лучшихъ памятниковъ издательской дѣятельности и ученыхъ заслугъ бенедиктинскаго ордена. Оно начато было Мараномъ, издателемъ твореній Василия Великаго, но исполнено и закончено Монфокономъ (1655 — 1741), однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей мавриньянскаго кружка, чудомъ палеографической учености своего времени. Монфоконовъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы придать тексту твореній Аѳанасія образцовый видъ; онъ воспользовался всѣми прежними изданіями его, изучилъ всѣ рукописи съ твореніями Аѳанасія, какія только могли доставить ему книгохранилища Европы, и спеціально для цѣлей изданія ознакомился съ языками еврейскимъ, сирскимъ, коптскимъ и отчасти арабскимъ. И дѣйствительно, вышедшее подъ его руководствомъ собраніе твореній св. Аѳанасія даетъ въ себѣ все, что сохранилось съ именемъ этого отца на греческомъ и латинскомъ языкахъ,—„omnia opera, quae extant vel quae ejus nomine circumferuntur,—т. е. всѣ сочиненія, какія существуютъ или распространены подъ его (Аѳанасія) именемъ, какъ это значилось въ заголовкѣ изданія,—не одни только подлинныя, но и всѣ подложныя. Вся эта масса матеріала предлагается здѣсь въ тщательно обработанной и строго упорядоченной формѣ: сочиненія, дошедшія подъ именемъ Аѳанасія, раздѣлены на три группы, на подлинныя (*genuina*), сомнитель-

ныя (*dubia*) и подложныя (*spuria*), при чемъ это раздѣленіе основано на твердыхъ историческихъ, филологическихъ и палеографическихъ данныхъ; творенія, признанныя подлинными, расположены, по возможности, въ порядкѣ хронологическомъ, соотвѣтственно времени ихъ появленія; текстъ установленъ критически, на основаніи сличенія массы рукописей, и указаны важнѣйшія различія; къ тексту приложены полная біографія св. АѢанасія, рядъ индексовъ и множество историко-критическихъ замѣчаній. Короче говоря, всему собранію приданъ такой порядокъ, что оно можетъ удовлетворить самымъ изысканнымъ научнымъ требованіямъ. Въ первый разъ изданіе бенедиктинцевъ было опубликовано въ 1698-мъ году, въ Парижѣ, въ двухъ томахъ и трехъ фоліантахъ, при чемъ первый томъ, распадавшійся на двѣ части, содержалъ въ себѣ подлинныя творенія св. АѢанасія, во второмъ же помѣщались сомнительныя и подложныя. Монфоконъ продолжалъ свои работы надъ АѢанасіемъ и по выходѣ въ свѣтъ этого изданія; ему посчастливилось открыть еще нѣсколько фрагментовъ (отрывковъ) изъ утраченныхъ сочиненій АѢанасія, которые онъ напечаталъ въ своихъ изданіяхъ „*Collectio nova patrum* (Paris, 1707)“ и „*Bibliotheca Coisliniana*“ и которые впоследствии, при перепечаткѣ бенедиктинскаго изданія, были включены въ него. Въ настоящее время собраніе твореній св. АѢанасія, сдѣланное бенедиктинцами, предлежитъ въ обширномъ сборникѣ памятниковъ древне-церковной письменности, изданномъ аббатомъ Минемъ, въ такъ назыв. Патрологіи Миня (*Patrologiae cursus completus*), гдѣ оно занимаетъ 25—28 томы греческой серіи.

Новѣйшія изслѣдованія не внесли никакихъ поправокъ и дополненій ¹⁾ въ греческій текстъ твореній св. АѢанасія, установленный бенедиктинцами, и въ виду того совершенства, до какого доведенъ онъ здѣсь, сожалѣть объ этомъ пока не приходится. И не только текстъ, но и самая класи-

¹⁾ Правда, у Питры (*Pitra, Analecta sacra et classica*, V, 1888, p. 1—26) и Мая (*Nova patrum bibliotheca*, II, 2, Romae, 1844) указано нѣсколько фрагментовъ изъ толкованій св. АѢанасія, не вошедшихъ въ сборникъ Миня, но по отзывамъ ученыхъ, эти фрагменты незначительны и не вполне достовѣрны, — „unbedeutend und unsicher“.

сификація сочиненій Аѳанасія на подлинныя и неподлинныя, предложенная бенедиктинцами, въ существенныхъ своихъ чертахъ доселѣ остается неприкосновенною. Сдѣланныя въ послѣднее время попытки поколебать выводы бенедиктинцевъ на этотъ счетъ лишь подтвердили прочность тѣхъ основаній, на которыя опирались издатели. Такъ нѣмецкіе ученые Шульце ¹⁾ и Дрэзеке ²⁾ пытались было заподозрить принадлежность св. Аѳанасію двухъ его апологетическихъ словъ („Слово на язычниковъ“ и „Слово о воплощеніи Бога Слова“), но ихъ старанія не встрѣтили ни малѣйшаго сочувствія въ ученomъ мѣрѣ; напротивъ, специальное изслѣдованіе объ этихъ сочиненіяхъ, написанное Хоссомъ ³⁾ на премированную тему, предложенную Тюбингенскимъ университетомъ, блистательно доказало ихъ подлинность. Таже исторія повторилась и съ „Житіемъ Антонія“, составленнымъ св. Аѳанасіемъ; въ подлинности его сомнѣвались Вейнгартенъ ⁴⁾ и Гуоткинъ ⁵⁾, но теперь она принимается всѣми солидными учеными ⁶⁾. Четвертая рѣчь противъ аріанъ, отвергнутая Дрэзеке ⁷⁾, также признана подлинной ⁸⁾. Въ настоящее время на болѣе или менѣе достаточныхъ основаніяхъ подвергается сомнѣнію принадлежность св. Аѳанасію только двухъ его сочиненій: а) „О явленіи Бога Слова во плоти и противъ аріанъ“ и б) „двѣ книги противъ Аполлинарія“, но вопросъ о нихъ еще не законченъ, и очень вѣроятно, что при болѣе тщательномъ изученіи ихъ авторскія права Аѳанасія будутъ возстановлены. Такимъ образомъ, пока все въ бенедиктинскомъ изданіи остается на своемъ мѣстѣ.

Этотъ бенедиктинскій текстъ твореній св. Аѳанасія, выдержавшій болѣе, чѣмъ двухвѣковую ученую критику, и ле-

¹⁾ Schultze, Geschichte der Untergangs d. griech. — röm. Heidenthums, I, 1887.

²⁾ Dräseke, in Theolog. Stud. und Krit. 1893, 251—313.

³⁾ Hoss, Studien über die Schrifttum und Theologie d. Athanasius, Freiburg, 1899.

⁴⁾ Weingarten in Zchrif. für Kirch.—Gesct. 1876, 1.

⁵⁾ Gwatkin, Studies of arianism. Cambridge, 1832.

⁶⁾ Bardenhewer, Patrologie; Loofs in Real-Encyclop., 3 Aufe., art. Athanasius.

⁷⁾ Zschr. f. wiss. Theol., 36, 1, 1893, 219—315; 1895, s. 245.

⁸⁾ См. Loofs. cit. loc.

жить въ основѣ русскаго ихъ перевода, сдѣланнаго Московскою Духовною Академіею въ 1851—1854 гг., и будетъ принять во вниманіе при новомъ его изданіи. Само собою понятно, что русскій переводъ можетъ обнимать только *подлинныя* творенія св. АѦанасія, и всѣ они войдутъ во второе изданіе, за вычетомъ лишь небольшихъ отрывковъ, имѣющихъ исключительно научное значеніе. Только одно изъ сочиненій, несомнѣнно не принадлежащихъ АѦанасію, найдеть себѣ мѣсто во второмъ изданіи русскаго перевода, какъ оно нашло его и въ первомъ; это—такъ называемый „символь АѦанасіевъ“. Непринадлежность его св. АѦанасію ясна и для глаза, не посвященнаго въ тайны исторической критики, такъ какъ въ немъ приводится христологическая формула Халкидонскаго (4-го вселенскаго) собора, имѣвшаго мѣсто почти сто лѣтъ спустя послѣ смерти АѦанасія. Тѣмъ не менѣе включить этотъ символъ въ русское изданіе твореній св. АѦанасія представляется желательнымъ какъ во вниманіе къ выдающейся точности его богословской терминологіи, такъ и потому, что церковное преданіе, усвоившее его авторству АѦанасія, очевидно, находило его содержаніе достойнымъ имени этого отца.

Такъ какъ большая часть сочиненій св. АѦанасія стоитъ въ тѣсной связи съ его жизнію, съ его борьбой противъ аріанства, и вызвана была обстоятельствами этой борьбы, то правильное пониманіе нѣкоторыхъ подробностей ихъ содержанія трудно безъ предварительнаго знакомства съ жизнію ихъ автора. Въ устраненіе этого затрудненія къ новому изданію его твореній будетъ приложена, по примѣру бенедиктинцевъ, „Жизнь св. АѦанасія“, составленная покойнымъ ректоромъ Московской Академіи Протоіереемъ А. В. Горскимъ. Напечатанная еще въ 1851-мъ году, эта „Жизнь“ доселѣ представляетъ собою самое лучшее, что имѣется въ русской литературѣ о св. АѦанасіи, и по полнотѣ своего содержанія, по проникающему ее чувству уваженія къ изучаемому отцу и по выдержанности стили не уступаетъ, если не превосходить существующія на Западѣ монографіи о св. АѦанасіи. Будучи основана на тщательномъ изученіи твореній св. АѦанасія и прекрасномъ знакомствѣ съ его эпохой, „Жизнь“, составленная А. В. Горскимъ, не нуждается ни въ какихъ фактическихъ поправкахъ и дополненіяхъ, за исключеніемъ

хронологіи, устанавливаемой теперь на новыхъ данныхъ, которая и будетъ исправлена въ особыхъ примѣчаніяхъ редакціи.

2) Но если XIX вѣкъ ничего существеннаго не привнесъ въ разработку и улучшеніе греческаго текста, изданнаго бенедиктинцами, то ему принадлежитъ другая важная заслуга въ исторіи литературнаго наслѣдства, оставленнаго св. Аѳанасіемъ — открытіе его *пасхальныхъ посланій*. Подъ именемъ пасхальныхъ посланій разумѣются письма, которыя въ древности ежегодно разсылались александрійскими епископами по церквамъ своего округа и содержали въ себѣ опредѣленіе дня празднованія Пасхи на данный годъ. Происхожденіе этого обычая отсылаетъ насъ къ первымъ вѣкамъ христіанской исторіи. Въ древности, когда не только не существовало выработанной пасхалии, но и астрономическія вычисленія не отличались точностью, опредѣленіе пасхальнаго полнолунія, обусловливавшаго собой день праздника, сопровождалось особыми трудностями, преодолѣть которыя можно было не вездѣ и не всякому. Городъ Александрія, служившій мѣстомъ процвѣтанія астрономическихъ занятій, обладалъ наиболѣе пригодными для этой цѣли средствами, и потому епископы александрійскіе, славившіеся своимъ образованіемъ, очень рано заняли руководящее положеніе въ церкви при вычисленіи дня празднованія Пасхи. По извѣстію церковнаго историка Евсевія (Ц. и. VII, 30), еще св. Діонисій Александрійскій, 13-й епископъ Александріи, жившій въ половинѣ III-го вѣка, разсылалъ окружныя т. е. назначенныя для его архіепископскаго округа посланія съ увѣдомленіемъ о времени праздника. Въ IV вѣкѣ этотъ обычай александрійской церкви получилъ обще-церковное значеніе. Согласно преданію, засвидѣтельствованному св. Кирилломъ Александрійскимъ и папой Львомъ I, первый вселенскій соборъ въ Никее, въ ряду своихъ прочихъ распоряженій касательно празднованія Пасхи, постановилъ, чтобы александрійскій епископъ для каждаго года нарочито высчитывалъ день Пасхи и извѣщалъ о немъ римскаго епископа, а затѣмъ уже этотъ послѣдній долженъ былъ давать знать о немъ всей церкви. Примѣнялось-ли во всей точности это постановленіе на практикѣ, неизвѣстно; однако несомнѣнно то, что не только за весь IV вѣкъ, но и въ слѣдующіе

вѣка александрійскіе епископы свято продолжали хранить свой мѣстный обычай и ежегодно издавали пасхальныя посланія. Кромѣ посланій св. АѦанасія, извѣстны письма св. Петра, его непосредственнаго преемника на александрійской кафедрѣ, Теофила, Кирилла, у котораго они приняли новую форму гомилиі (бесѣды), и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ александрійскихъ патріарховъ.

Обыкновенно (въ IV в.) пасхальныя посланія издавались около праздника Богоявленія, и затѣмъ разсылались по александрійскому округу съ особыми посланцами, одного изъ которыхъ Синезій, епископъ Птолемаидскій (V в.), называетъ *διακομιστής τῶν πανηγυρικῶν ἑορτασμάτων* — разносчикомъ торжественныхъ писемъ; по полученіи въ церквахъ они прочитывались за богослужебнымъ собраніемъ въ день Вербнаго воскресенія. Въ своемъ содержаніи они заключали гораздо большее, чѣмъ простое извѣщеніе о днѣ празднованія Пасхи. Извѣщеніе обычно ставилось въ заголовкѣ письма, при чемъ день Пасхи указывался по египетскому и римскому календарю, годъ опредѣлялся по такъ называемой Діоклитіановой эрѣ и по именамъ консуловъ, приводилось имя александрійскаго префекта и отмѣчались числа индикта и эпакты,—посланія же иногда только присоединялись къ этому хронологическому извѣщенію. По большей части они представляли собой самостоятельныя литературныя произведенія, содержащія въ себѣ рядъ благочестивыхъ и назидательныхъ разсужденій по поводу праздника, съ особой торжественностью тока раскрывали значеніе его для христіанской вѣры и жизни (откуда и произошло ихъ названіе—*πανηγυρικὰ*) и призывали къ должному его препровожденію. Александрійскіе епископы видѣли въ нихъ мощное и постоянное средство духовнаго общенія съ паствою и нерѣдко пользовались ими, чтобы обсудить современныя событія церковной жизни и дать на счетъ ихъ пастырскія указанія. Еще въ древности пасхальныя посланія наиболѣе выдающихся александрійскихъ епископовъ были собираемы въ особые сборники, переводились на другіе языки (латинскій, сирскій) и служили источниками назиданія и поученія.

Пасхальныя письма св. АѦанасія не дошли до насъ въ ихъ оригинальномъ греческомъ языкѣ и долгое время счи-

тались безнадежно потерянными для науки. Они были неизвѣстны и бенедиктинскимъ издателямъ его твореній; правда, Монфокону удалось отыскать нѣсколько фрагментовъ ихъ, сохранившихся у одного позднѣйшаго греческаго писателя, но жалкій видъ и ничтожное число ихъ возбуждали только большее сожалѣнiе объ утратѣ этого важнаго памятника древне-церковной жизни. Предугадывая цѣнность ихъ содержанiя, Монфоконовъ въ свое время писалъ о нихъ: „никакая потеря не можетъ сравниться съ потерей пасхальныхъ писемъ Аванасiя..., сколь многое изъ области исторiи церкви, ея обычаевъ и нравовъ получило бы въ нихъ свое освѣщенiе; но,—прибавлялъ проникательный ученый,—быть можетъ, они и скрываются еще гдѣ-нибудь на Востокѣ, гдѣ сохраняется многое“. Предсказанiю Монфокона суждено было исполниться только въ истекшемъ XIX столѣтiи, когда улучшение средствъ сообщенiя и страсть къ путешествiямъ, объявшая европейцевъ, сдѣлала для нихъ доступными отдаленнѣйшiе уголки земли. Пасхальныя письма св. Аванасiя найдены были въ сирскомъ переводѣ среди массы сирскихъ и коптскихъ манускриптовъ, вывезенныхъ, по порученiю англiйскаго правительства, въ 1839—1847 г.г. изъ древняго, принадлежащаго коптамъ, нитрiйскаго монастыря св. Богородицы (въ Египтѣ), и составляющихъ теперь собственность Британскаго Музея. Не вдругъ и не безъ труда достались эти сокровища англiйскимъ ученымъ; исторiя открытiя ихъ или, точнѣе, переселенiя въ Англiю имѣетъ свой интересъ, и въ существенныхъ чертахъ она будетъ изложена въ предисловiи русскому переводу пасхальныхъ писемъ Аванасiя. Тотчасъ же послѣ прибытiя въ Англiю часть рукописей, содержащая эти письма, была обслѣдована извѣстнымъ англiйскимъ ученымъ Куретономъ, а въ 1848-мъ году былъ уже отпечатанъ и сирскiй текстъ ихъ ¹⁾, ставши съ тѣхъ поръ достоянiемъ всего ученаго мiра.

Открытiе Курстона значительно пополнило тотъ пробѣлъ, какой ощущался въ наукѣ вслѣдствiе полной утраты пасхальныхъ писемъ Аванасiя, но не далъ ей полного собра-

¹⁾ The Festal Letters of Athanasius, discovered in an ancient syriac version and edited by William Gureton, Chaplain in ordinary to the Queen. Assistant keeper of manuscripts in the British Museum. London, 1848.

нія этихъ писемъ. Въ сирскихъ манускриптахъ монастыря Пресв. Богородицы оказалась приблизительно только треть всѣхъ писемъ, какія должны были бы сохраниться отъ Анастасія, если онъ, какъ надо думать, издавалъ ихъ ежегодно за все время своего епископства. Поэтому поиски за письмами св. Анастасія не прекратились со стороны ученыхъ и послѣ изданія ихъ сирскаго текста Куретономъ; однако найти что-нибудь цѣнное доселѣ никому не удалось. Открыто еще нѣсколько фрагментовъ, но большею частію не имѣющихъ значенія; изъ нихъ заслуживаютъ вниманія только фрагменты, извлеченные извѣстнымъ кардиналомъ Маемъ изъ одной сирской рукописи Ватиканской бібліотеки и изданные въ его собраніи: „Nova bibliotheca patrum (Romae, 1853, 1. VI)“.

Все это, что осталось цѣннаго отъ пасхальныхъ писемъ Анастасія,—т. е. письма, изданныя Куретономъ, и фрагменты, найденные Монфокономъ и Маемъ,—будетъ переведено на русскій языкъ и войдетъ въ составъ втораго изданія его твореній, такъ что это новое изданіе въ точномъ смыслѣ можно будетъ назвать *полнымъ* собраніемъ твореній этого отца.

3) За исключеніемъ вновь найденныхъ пасхальныхъ писемъ св. Анастасія и фрагментовъ изъ нихъ, для которыхъ, само собой понятно, требуется новый переводъ, въ основу втораго изданія его твореній будетъ положенъ *старый* ихъ переводъ, исполненный Московской Духов. Академіей и появившійся въ печати въ 1851—1854 годахъ. Выпуская новое изданіе стараго перевода, сдѣланнаго 50 лѣтъ тому назадъ, редакция „Богосл. Вѣстн.“ руководится двумя заслуживающими вниманія побужденіями — выдающимися достоинствами стараго перевода и уваженіемъ къ памяти лицъ, трудившихся надъ нимъ. Переводъ твореній св. Анастасія, изданный въ 1851—1854 гг., былъ плодомъ трудовъ Московской Дух. Академіи по переводу наиболѣе важныхъ памятниковъ святоотеческой письменности, начатыхъ еще съ 1841 года и продолжающихся безостановочно доселѣ. Уже при самомъ началѣ предпріятія приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпечить ему возможную степень совершенства и сдѣлать соотвѣтствующимъ тѣмъ требованіямъ, какія могутъ и должны быть предъявляемы къ

переводамъ произведеній, имѣющихъ обще-церковное руководительное значеніе. Дѣло перевода было поручено выдающимся профессорамъ Академіи, не только отлично знавшимъ греческій языкъ, но и обладавшимъ обширными богословскими и церковно-историческими познаніями, безусловно необходимыми для успѣха такого предпріятія, какъ переводъ святоотеческихъ твореній,—такимъ лицамъ, какъ (теперь уже давно умершіе) Ѡ. А. Голубинскій, П. С. Делицынъ, А. В. Горскій ¹⁾. Переводъ, сдѣланный однимъ лицомъ, не считался окончательнымъ: онъ повѣрялся еще другимъ или нѣсколькими лицами, прочитывался иногда на общемъ редакціонномъ собраніи и тщательно и всесторонне обсуждался прежде, чѣмъ появиться въ печати. Главное направленіе и руководство переводническимъ дѣломъ принадлежало Митрополиту Филарету; на первыхъ порахъ переводы, изготовленные Академіей, онъ самъ лично просматривалъ и исправлялъ прежде ихъ печатанія, но и потомъ, когда другія болѣе важныя обязанности заставили его отказаться отъ предварительнаго разсмотрѣнія переводовъ, онъ продолжалъ зорко слѣдить за ними, требуя обращенія къ себѣ во всѣхъ затруднительныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ. Внутри же Академіи душою всего предпріятія, а вмѣстѣ и главной движущей его силой былъ Протоіерей П. С. Делицынъ. На немъ лежала самая важная и отвѣтственная обязанность редактированія переводовъ, сдѣланныхъ другими,—редактированія, которое иногда равнялось передѣлкѣ всего перевода. Эту обязанность Делицынъ сдѣлалъ задачей своей жизни и въ теченіи 20 лѣтъ работалъ надъ переводами, выпустивъ подъ своимъ руководствомъ около 46 томовъ ²⁾. О качествахъ переводовъ, вышедшихъ изъ-подъ рукъ Делицына, и ихъ отличительныхъ особенностяхъ лучшее понятіе можетъ дать отзывъ о нихъ, сдѣланный другимъ знатокомъ греческаго языка, покойнымъ проф. И. Н. Корсунскимъ. „Точность пере-

1) См. С. Смирновъ. Исторія Московской Дух. Академіи до ея преобразованія, стр. 106.

2) Подробности о прежнихъ переводахъ можно читать въ статьѣ И. Н. Корсунскаго. „Къ исторіи греческаго языка и его словесности въ Московской Духовной Академіи“. Напеч. въ *Богосл. Вѣстн.* за 1893 годъ.

вода,—пишетъ Корсунскій,—есть главное качество, которое П. С. Делицынъ старался наблюдать прежде всего и болѣе всего, и ей, когда въ томъ оказывалась необходимая нужда, онъ безъ всякаго колебанія жертвовалъ даже плавностью рѣчи. Когда нельзя было съ буквальною точностью перевести то или другое мѣсто твореній святоотеческихъ, тогда, слѣдуя правилу, предложенному Владыкой Митрополитомъ Филаретомъ, онъ старался уловить идею, мысль св. отца и по ней устроить переводъ. Отсюда второе качество въ типѣ переводнаго языка его и вмѣстѣ его достоинство—ясность. Точности и ясности онъ иногда жертвовалъ даже *чистотой* языка, которую также всемѣрно наблюдалъ. Но этого мало. Онъ не хотѣлъ быть переводчикомъ механическимъ. Желая приблизиться къ духу св. отцовъ, онъ старался передавать ихъ рѣчь словами и оборотами, вполне соответствовавшими съ одной стороны ихъ собственному теченію, строю и характеру мыслей, а съ другой—строю и особенностямъ греческаго языка. Вслѣдствіе такого старанія и долговременнымъ опытомъ практики перевода и редакціи переводовъ, онъ составилъ для передачи словъ и выраженій греческихъ свою русскую переводную терминологію, которая была плодомъ долгаго размышленія и внимательнаго изученія духа твореній отеческихъ. Извѣстно, что у каждаго изъ св. отцовъ есть свои условные термины, свои любимые обороты, свои особенности въ конструкціи рѣчи; всѣ эти отличительныя особенности, всѣ эти тонкости нужно было уловить и изучить, чтобы передать ихъ въ переводѣ такъ, чтобы рѣчь каждаго отца сохранила свой типическій характеръ, чтобы слово одного отца не было похоже на слово другаго. Это—великая заслуга, которую, чтобы оцѣнить, нужно со всею тщательностью и не механически только или отрывочно, сличить переводъ съ подлинникомъ. Конечно, и П. С. Делицынъ, при всей великости этой заслуги, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, какъ человѣкъ, не былъ свободенъ отъ погрѣшностей и недоразумѣній относительно нѣкоторыхъ частныхъ греческихъ словъ и оборотовъ рѣчи на русскомъ. Но при его настойчивости, постоянствѣ и сосредоточенности въ трудѣ, при глубокой, лѣтами приобрѣтенной опытности, такіе случаи вообще рѣдки, и нужна великая осторожность, чтобы съ большею или меньшею смѣлостью

подвергать критикѣ его переводъ. Развѣ только какія-либо новыя открытія въ области подлинныхъ текстовъ могутъ служить къ тому твердымъ основаніемъ. Само собой разумѣется, что трудъ П. С. Делицына, какъ переводчика и редактора, вдвойнѣ облегчился бы, если бы онъ захотѣлъ идти по слѣдамъ иностранныхъ, особенно французскихъ, парафрастовъ, т. е. вмѣсто одного слова подлинника употреблять два, три и болѣе, безъ особенной нужды разсѣкать періоды греческой рѣчи на нѣсколько отдѣльныхъ періодовъ и вносить въ переводъ стихи легкаго языка рѣчи фелъетонной. Но это злоупотребленіе строгою и важною рѣчью св. отцовъ П. С. Делицынъ считалъ посягательствомъ на искаженіе самаго смысла святоотеческихъ твореній, неуваженіемъ къ дорогому наслѣдію, завѣщанному св. отцами православной церкви 1)“.

Переводъ твореній св. Аѳанасія былъ однимъ изъ послѣднихъ трудовъ П. С. Делицына, а потому и указанныя качества его переводовъ, пріобрѣтенныя многолѣтней практикой, должны были получить въ немъ наиболѣе яркое отраженіе 2). Отсюда понятно что было бы неразумно само по себѣ, и обидно для памяти этого труженника на нивѣ духовнаго просвѣщенія — отбросить при новомъ изданіи твореній св. Аѳанасія старый переводъ ихъ только потому, что онъ сдѣланъ давно, и взяться за новый, за качества котораго ничто не ручается. Конечно, въ переводѣ, появившемся пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не все можетъ остаться безъ всякихъ исправленій; особенно это нужно сказать о стилѣ, который для нашего времени въ нѣкоторыхъ случаяхъ не можетъ не отзываться архаизмомъ; возможно, что при тогдашнихъ условіяхъ печатнаго дѣла и полнота перевода не

1) См. тамже, стр. 50. 51.

2) Митрополитъ Филаретъ не оставался безучастнымъ также и къ переводу твореній св. Аѳанасія. По поводу ихъ онъ сдѣлалъ разъ такое замѣчаніе: „въ переводѣ Аѳанасія нахожу недоразумѣнія. Вотъ, напр., маленькое: *стадо комаровъ*. До сихъ подъ мы видали *рой комаровъ*, безпастырный, а теперь является стадо, которое требуетъ и пастыря. Кто же пастырь? Не отецъ-ли протоіерей Петръ (Делицынъ)?“ Но точность и здѣсь была на сторонѣ Делицына; у св. отца поставлено *ἀρούρη* — стадо, а не *ὁ ἔσμός* или *τὸ σμήνος*, что означало бы рой. См. Корсунскаго, тамже стр. 43.

вездѣ была точно соблюдена. Въ новомъ изданіи всѣ эти исправленія будутъ сдѣланы; старый переводъ еще разъ будетъ сравненъ изъ слова въ слово съ подлинникомъ и пропуски пополнены; стиль также получить необходимыя измѣненія; такъ что, сохраняя свою прежнюю точность и ясность, старый переводъ, надо надѣяться, будетъ отвѣчать въ второмъ изданіи современнымъ требованіямъ и со стороны чистоты языка.
